как в CI, а в HIV текст подвергся уже вторичной, не вполне последовательной обработке.

Расхождения между тенденциями протографа CI—HIV и Новгородской I летописи не случайно обнаруживаются именно в последней части изложения — со второй половины XIV в.: именно заключительная часть свода была, естественно, наиболее актуальной для его составителя и редактора. Расхождения эти обнаруживаются в известиях 6905 г. (отказ новгородцев от помощи Василию I против немцев, о чем умалчивает Новгородская I) и 6907 г. (война Витовта с Темир-Кутлуем); [63] с 6909 по 6916 г. общий текст CI—HIV, как мы уже отмечали, решительно расходится с Новгородской I, совпадая с Троицкой летописью.

Текст протографа CI—HIV явно не мог удовлетворять новгородца — недаром HIV сделала к нему так много местных добавлений. Свод, лежащий в основе обеих летописей, широко использовал новгородский материал (особенно за XII—первую половину XIV в.), но по своему характеру и тенденциям это был не новгородский, а общерусский летописный свод (см. схему на стр. 132).

3

Когда же и при каких обстоятельствах был составлен летописный свод, служивший протографом CI и HIV?

Общий текст CI и HIV, как мы знаем, доходит до 6926 (1418) г.; на этом же годе заканчивается и текст старшей редакции CI. Но значит ли это, что текст протографа CI—HIV завершался последним общим известием обеих летописей — сообщением о гибели ушкуйника Анфала в 1418 г. и что самый этот свод может быть датирован концом 10-х годов XV в.? Отметим прежде всего, что в старшей редакции CI после сообщения об Анфале помещены (без новой годовой даты) еще два известия — о смерти жены Юрия Дмитриевича Анастасии и о пожаре в Москве 18 августа; оба известия, судя по CI младшей редакции и более поздним летописям, относятся не к 6926, а к 6930 (1422) г.[64] Но интересующий нас свод не заканчивался и 1422 г. Если мы обратимся к НК, передающей, как мы знаем, архетип HIV, то обнаружим здесь под 6932 (1424) г. общерусское известие, отсутствующее в HIV, но сходное с CI младшей редакции: о том, что после смерти Василия Дмитриевича «седе на великое княжение сынь его Василий» [65] (в CI под 6933 г.: «сын его князь Василей Васильевич седе на великом княжении»).

Можно полагать поэтому, что общий протограф CI—HIV заканчивался не 6926 г., а 6932 г. или еще более поздней датой и что этот свод был составлен значительно позднее 1418 г. Составление общерусского свода, лежащего в основе CI, НК и HIV, в конце 10-х годов XV в. (т. е. датировка его тем временем, к которому А. А. Шахматов относил один из его источников — «Полихрон») представляется вообще крайне мало веро-

[63] Новгородская I летопись хотя и осуждает Витовта за «высокоумие» и отступничество от православия, но не считает его виновником столкновения, приписывая активную роль Темир-Кутлую; в CI—HIV (вслед за Троицкой) именно Витовт затевает войну, заявляя своему союзнику Тохтамышу: «Аз тя посажю в Орде на царстве, а ты мя посадишь на великом княжении на Москве и на всей Русьской земли».

[64] А. А. Шахматов. Обозрение, стр. 209; М. Д. Приселков. История, стр. 151—152.

[65] ГПБ, F.IV.603, л. 452 об. Под тем же годом в НК читается еще одно неновгородское известие, также, возможно, восходящее к общерусскому источнику НК—HIV, — о вокняжении тверского князя Бориса Александровича, который «потом за мало дней окова» своего дядю Василия Кашинского (последнее сообщение выпущено в HIV). Однако известие о вокняжении Бориса не сохранилось в CI.